

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Неформальные практики в формировании посткоммунистических этнокультурных идентичностей¹

Виктор Степаненко: Абель, прежде всего хотел бы поблагодарить тебя за эту возможность пообщаться и вместе поразмышлять об основных идеях и подходах вашей с твоими коллегами новой книги, которая, кстати сказать, дополняет предыдущую работу, также недавно опубликованную². Мои и наших читателей искренние поздравления с этими впечатляющими и интересными результатами исследований!

Абель Полезе: Конечно, с удовольствием отвечу на твои вопросы и спасибо за поздравления и оценку наших усилий.

В.С.: Тебя как исследователя уже нет нужды представлять нашим читателям — некоторые твои работы, в частности по разным аспектам повседневной неформальности (*informality*) в украинском социальном контексте, уже довольно известны у нас. И мне, как нынешнему главному редактору нашего журнала, особенно приятно, что ты являешься не только активным автором, чьи статьи публиковались у нас, но и нашим хорошим другом и коллегой, активно исследующим социальную проблематику Восточной Европы и, в частности, Украины.

Твои работы, в том числе недавняя книга, о которой я хочу поговорить, развивают интересную, все еще малоисследованную и мультидисциплинарную проблематику социальной неформальности. На мой взгляд, эта тема действительно актуальна, особенно для посткоммунистических обществ, в которых все еще сохраняется исторически обусловленный институциональный разрыв между декларациями и социальными практиками, между словом и делом — как на официальном, так и на повседневном уровне. Не менее актуальны в современном мире и в Украине и вопросы этнокультурных идентичностей, их социального конструирования, воспроизводства, изменений и трансформаций. И в книге эти две темы (неформальность и идентичности) объединены в одной интригующей проблематике — *повседневного конструирования постсоциалистических идентичностей*.

¹ Интервью Виктора Степаненко с Абелем Полезе (Abel Polese), автором и редактором книги “Неформальный национализм после коммунизма: повседневное конструирование постсоциалистических идентичностей” (*Informal Nationalism after Communism: The Everyday Construction of Post-Socialist Identities*, ed. by A.Polese, O.Seliverstova, E.Pawlusz, J.Morris. London; New York: I.B.Tauris & Co. Ltd, 2018).

² *Identity and Nation Building in Everyday Post-Socialist Life*, ed. by A.Polese, J.Morris, E.Pawlusz and O. Seliverstova. London: Routledge, 2018.

И переходя уже непосредственно к книге, должен признать — ты вполне справедливо утверждаешь, что большинство существующих исследований по национально-государственному строительству (*nation-state building*) и формированию национальной идентичности используют в основном политический, нисходящий, “сверху вниз” (*top-down*) подход. Такой, в некотором смысле уже традиционный подход, по твоему мнению, часто оставляет незамеченным или даже игнорирует сферу повседневной неформальности (*everyday informality*), обыденных коммуникаций и общепринятых рутинных практик, которые также активно влияют на процесс конструирования национальной идентичности — через обсуждение, иной раз оспаривание и в результате осмысление — трансформацию смыслов и значений этой идентичности. Таким образом, твой подход, представленный в обеих недавних книгах, развивает очень важные и все еще недостаточно изученные аспекты, а именно — неформальных повседневных практик, привносит их в современные исследования феноменов национализма и этнической идентичности.

И в этой связи такой вопрос: в чем, с твоей точки зрения, заключаются причины недостатка внимания к этим “низовым” неформальным практикам, если не пренебрежения ими? Исходило ли это из традиции толкования и понимания процесса конструирования национальной идентичности как преимущественно политически элитарного? Было ли это последствием доминирования в политологии и исследованиях национализма определенных (позитивистских или конструктивистских) методологических подходов? Или, возможно, это было связано также с историческими модерными алгоритмами и сценариями конструирования национальной идентичности, которые претерпевают изменения в данный момент, в условиях постмодерна?

А.П.: В общественных науках, как и в любых других областях знания или сферах жизни, существуют “модные” темы, существуют волны интереса к определенным вопросам. Есть люди, работающие над чем-то определенным образом, и это вдохновляет других. Подобно этому, существуют события, вдохновляющие людей, и они берутся изучать новую сферу и проблематику: вспомним, как украиноведческие исследования обрели новый импульс интереса и популярности во многом благодаря “Оранжевой революции” 2004 года. Я вообще никогда не видел такого количества исследовательских предложений для диссертаций по одной и той же теме, как в следующие несколько месяцев после этого события.

Когдаходишь в какую-то новую область знания, то сначала ищешь литературу по этой теме, материалы исследований, осуществленных ранее, и отчасти воспроизводишь их, расширяя, тем самым, эту область. Это и есть основания развития и обучения. Ведь когда вы учитесь рисовать, то сначала копируете картины известных художников; когда учитесь играть на каком-то музыкальном инструменте, то сперва исполняете уже существующие произведения. Так и здесь.

В какой-то момент ты чувствуешь себя достаточно уверенным для того, чтобы создавать собственные произведения и дистанцироваться от уже существующих. На первую волну исследований по идентичности сильное влияние оказывали виднейшие ученые того времени, предлагая определенную точку зрения на этот феномен. Новому поколению потребовалось некоторое время, чтобы прочесть и оценить их работы, а затем отыскать слабые

места в их рассуждениях. Нам сейчас помогают данные, полученные в других областях. Это касается, в частности, проблематики повседневности и неформальности — тематических сфер, использованных в нашей книге. Но очевидно, что существует и нечто большее.

Одним из новаторских аспектов в книге является то, что в ней рассматривается дихотомия между осязаемым и неосязаемым. Мы попытались “измерить неизмеримое”, или же прикоснуться к предметам, трудно осязаемым, взяв толику от них. Но это концепты и подходы, как бы постоянно ускользающие (*slippery*), нечеткие. К примеру, мы не можем обратиться к принимающему важные решения политику в таких терминах, как “неформальное” или “обычные граждане”, и попросить его учитывать их, если у нас нет “объективного” способа измерить их. Инструментарий здесь пока еще недостаточно разработан, поэтому предпочтение отдают элементам материальным, осязаемым, которые поддаются измерению и с которыми легче иметь дело. Для меня в этом и состоит суть мейнстрима: вещи, которые проще понять и объяснить и которые, в конечном счете, привлекают большое количество людей (или исследователей, в нашем случае).

В.С.: Идентичность, в частности национальная, — это сложная, часто неопределенно широкая и в некоторой степени “туманная” тема — по крайней мере, согласно множеству аргументов, высказанных Р.Брубейкером в его работе “За пределами идентичности” (*Brubaker R. “Beyond identity”*). Это тема, вокруг которой развернулась уже целая индустрия исследований и развязалось немало научных дискуссий. По-моему, частично это объясняется самой сложностью вопроса национальной идентичности и ее понимания. Согласен ли ты с тем, что на практике значения понятия национальной идентичности всегда являются только частями или аспектами одного целостного смысла чьей-то персональной идентичности (включая социальный, гендерный, профессиональный и др. аспекты)? Таким образом, можно ли говорить скорее о множественных (гибридных) идентичностях, чем об одной (чёткой и ясной), даже на национальном уровне? Если да, то кто является некими “хранителями” (*gate-keepers*) групповой идентичности, к которой относится национальная? Может ли она сохраняться только на повседневном уровне без таких традиционных хранителей, как государство, элита, интеллектуалы, которые наиболее активно продуцируют вообразенные смыслы?

А.П.: Исследования, а также мой личный опыт наводит на мысль, что если ты “деконструируешь” индивида, то действительно обнаружишь несколько идентичностей (сексуальную, этническую, социальную), большинство из которых являются социальными конструктами. На мой взгляд, идентичность можно представить как “тот, к кому бы вы проявили солидарность”, но это зависит от контекста, следовательно, ее можно истолковать как “тот, к кому бы вы проявили солидарность в данной ситуации”, или “тот, кому бы вы предложили солидарность, находясь в окружении других людей”. Например, я предполагаю, что ты не акцентировался бы на одном и то же, общаясь с людьми во Львове и Донецке. Нечто подобное происходит, если ты находишься в обществе других учёных, или же рабочих, учителей, представителей других социальных групп и категорий. Мы хотим быть принятыми как “ровня” (а кто ею является, зависит от контекста). И, в конечном

счёте, мы скорее будем искать что-то общее, что есть у нас с большинством людей в данном пространстве (или с нашим собеседником, если мы разговариваем только с одним человеком).

Национальная идентичность — это одна из существующих идентичностей, которые индивид или гражданин способен проявить внешне. На сегодняшний день национальная идентичность является одной из наиболее “эффективных”, потому что она одновременно инклюзивна и эксклюзивна. Инклюзивна, потому что вы можете объединяться с миллионами “таких, как вы”, или с теми, которых вы представляете таковыми, даже если никогда не встречались с большинством из них или не слышали о них. Эксклюзивна, потому что, независимо от величины сообщества, исключает достаточное количество “других”, позволяя вам почувствовать себя частью “эксклюзивного клуба”. Но это скорее конструкт нашей истории, чем продукт природы. Представь, например, что две деревни или два города по прихоти истории оказались по разные стороны границы и их жители смотрят теперь друг на друга как на “чужеземцев”.

Это напоминает мне концепцию “эгоистичного гена” (*selfish gene*) Ричарда Докинза (Richard Dawkins), где он выдвигает предположение, что гены, прежде предпочитавшие собираться в крупные организмы (такие, как динозавры) ради того, чтобы максимизировать свой репродуктивный успех, теперь собираются в человеческие организмы — потому что на данном этапе истории это максимально повышает шансы гена быть переданным следующему поколению. В какой-то момент всемирной истории гены предпочли скомпоноваться в человеческом организме. Подобным образом в определенный момент истории человечества индивиды предпочли сгруппироваться вокруг определенных ценностей, среди которых присутствует национализм, и это довольно хорошо сработало. Вполне возможно, что через 500 лет какое-то другое настроение заменит национализм в смысле его важности и роли.

“Хранителями” национальной идентичности, как ты их называешь, являются те, кто определяет маркеры идентичности. Некоторые из этих маркеров начинают восприниматься большей частью населения данной страны как “правильные” или просто близкие им, и они “выживают”. Другие маркеры остаются безмянными и исчезают. Есть еще какие-то маркеры, которые присутствуют, но только в умах небольшой части населения. Возможно, однажды они будут пересмотрены, открыты заново и затем использованы в политическом контексте. Довольно сложно предсказать, какие из этих маркеров “выйдут на поверхность”. Но наши исследования наталкивают на мысль, что национальные элиты уже не являются монополистами в выборе маркеров идентичности, так же, как и звукозаписывающие компании уже не обладают монополией на музыкальные хиты. Компании предлагают певцов и песни, не имея точных прогнозов о том, какая из них будет на устах у каждого через несколько дней, а какая останется незамеченной. Сейчас существуют различные возможности и каналы для продвижения, и даже песня, записанная в гараже, может распространиться через YouTube со скоростью вируса. Подобно этому, маркер, который не был предложен государством, но передается от одного человека к другому, “из уст в уста”, в конце концов, может стать привлекательным для неожиданно большого количества граж-

дан. В таких случаях он, я бы сказал, “самопроизвольно” становится маркером национальной идентичности.

В.С.: Хорошо, тогда конкретизирую касательно различных смыслов и интерпретаций национальной идентичности. Проводишь ли ты различие (и если да, то как) между смыслами национальной и гражданской идентичности при изучении спонтанного формирования этого феномена?

А.П.: “Спонтанное построение нации” — это идея, которую я развивал в своей докторской диссертации, предполагая, что простые люди не сидят и не ждут, пока элиты “построят нацию”. Обычные люди — это агенты, способные отвергать предложенные элитами маркеры идентичности, переосмысливать их или вносить встречные предложения. Агентность (*agency*) отдельного индивида в экономической или социальной жизни общества ограничена. Но как только маркер, переосмысленный несколькими индивидами, получает широкое признание, он приобретает такую же ценность, как и маркер, предложенный элитой. Эту идею я позаимствовал из работы Яэль Наваро-Яшин “Лица государства” (*Yael Navaro-Yashin “Faces of the State. Secularism and Public Life in Turkey”*), в которой исследовательница предполагает, что способность к “конструированию политического” не является исключительной чертой политических институтов или политических акторов. На самом деле любой и каждый вносит вклад в конструирование политического каждым своим действием в повседневной жизни. Но не все действия замечаются, поддерживаются или принимаются достаточным количеством акторов, чтобы считаться значимыми.

Вспомним Эрнеста Геллнера, который говорил о существовании тысяч потенциальных наций. Это всего лишь вопрос возможностей, ситуации или случайного стечения обстоятельств, если та или иная нация оказывается “победившей”, в то время как другие “проигрывают” и, в конечном счете, поглощаются победившей нацией, (частично) забывая, кем они были в самом начале.

Я не исключаю того, что люди, независимо от того, осознают они это или нет, хотят и могут отделять национальные идентичности от гражданских. Но сложно предсказать, какие из этих идентичностей окажутся “победителями” в данном контексте или в какой-то конкретной стране. Опять-таки, мы можем лишь предполагать, что диапазон идентичностей, которые могут проявиться, намного шире того, что мы можем себе представить — как для отдельного индивида, так и для страны.

В.С.: Наставление, внушение, идеологическая обработка являются традиционными официальными каналами передачи смыслов идентичности (а также политики идентичности), если пользоваться терминологией подхода “сверху вниз”. Ты же фокусируешься на процессах самопроизвольного конструирования идентичности на повседневном уровне, осуществляемого, к примеру, через медиа, культуру и потребление. А что, если эти кажущиеся спонтанными низовые практики являются частью организованной политической стратегии? В этой связи я могу сослаться на замысловатые стратегии коммерческой рекламы, намеренно построенные так, чтобы казаться спонтанными и организуемыми “снизу”, сами по себе. Каковы критерии или

отличительные признаки неподдельной спонтанности при неформальном конструировании идентичности в повседневной жизни? Возможно ли вообще их различать и определять?

А.П.: На самом деле не совсем так. Я определяю процесс “спонтанного” конструирования идентичности как исходящий из двух различных (теоретически возможных) ситуаций. Одна из них — когда политические элиты принимают определенные решения, которые, не будучи изначально задуманы с тем, чтобы влиять на идентичность, все же приводят к созданию или принятию некоторых (новых) маркеров идентичности. Другая — это когда граждане сами предлагают маркеры идентичности, которые получают настолько широкое признание, что в конце концов их начинают считать частью национальной идентичности.

В одной из своих книг я привожу пример “Оранжевой революции” 2004 года в Украине, которая, зародившись как политическое движение против существующего режима, в итоге трансформировала самовосприятие тысяч, если не миллионов граждан страны. Другой пример — создание культа личности в Туркменистане. Вы можете любить или не любить президента, но коль скоро к нему реферирует ваша повседневная жизнь, он становится частью вашей идентичности.

Однако, как отметил Джоэл Мигдал в работе “Государство в обществе” (*Joel Migdal “State in the society”*), государство и общество взаимосвязаны и нуждаются друг в друге. Маркеры идентичности, индуцированные государством, должны быть легитимированы обществом. Мы, вероятно, никогда не узнаем о тех маркерах идентичности, которые были предложены элитами, но проигнорированы народом, потому что они, в конечном счете, “отмирают”. Маркеры, предложенные народом, также должны быть одобрены государством, хотя и пассивно. Если государство решает жестоко (или, по крайней мере, сурово) подавить какой-то маркер, то шансы таковы, что от этого маркера откажутся. И напротив, если государство просто не прибегает к наказаниям или борьбе против нового маркера, предложенного какими-либо сегментами общества, оно тем самым его одобряет по умолчанию.

Впрочем, это не является гарантией того, что маркер, когда он будет широко признан данным обществом, “перейдет на следующий уровень”.

В.С.: Книга, которую мы обсуждаем, сфокусирована на посткоммунистическом регионе Восточной Европы. Впрочем, конструирование национальной идентичности — довольно универсальный процесс, не знающий завершения. И любая нация, словами Эрнеста Ренана, — это ежедневный референдум. Может ли твой подход быть также применим к Западной Европе или Америке?

А.П.: Мои исследования по посткоммунизму и позиционирование себя как специалиста по региональным исследованиям (да, иногда) — отчасти дело случая. Я имею в виду, что люблю этот регион, я полюбил его еще в свои университетские годы и счастлив, что могу считать его “своим” и часто работать там. Тем не менее, с годами у меня появилась возможность проверить свои взгляды в соответствии с тем, что я мог слышать от людей, живущих в других странах, и тех, кто занимается другими дисциплинами, или же сопо-

ставить с процессами, динамику которых я мог наблюдать в ряде других ситуаций.

Я не считаю, что динамика конструирования идентичности в этом отношении значительно разнится в зависимости от географического региона. Всегда будут существовать две противоположные позиции: универсалистская и партикуляристская. Универсалисты пытаются объяснить мировые тенденции, используя единственный теоретический подход, тогда как партикуляристы могут заявлять, что “наш случай — особенный”. Во многих отношениях обе стороны “правы”, и на вещи можно смотреть с любого из этих ракурсов.

Я думаю, что данный регион особенный, и много чего можно сказать о его локальной динамике. Но некоторые механизмы, используемые для конструирования, консолидации или оспаривания идентичностей, очень похожи. Во всех странах присутствует национальный дискурс, базирующийся на ряде маркеров, многие из которых были проанализированы Энтони Смитом, и существует конкуренция между элитами (и конструируемыми элитами нарративами) и простыми людьми, у которых есть возможность бросить вызов этим нарративам. До какой степени каждый из них будет принят во внимание в конечном итоге, зависит от контекста и предоставленных возможностей.

В.С.: Позволь задать тебе вопрос об Украине, в частности, ее опыте в процессе конструирования идентичности, сталкивающегося с определенными сложностями. Этот случай при данных обстоятельствах (аннексия Крыма и война на Донбассе) все же имеет, на мой взгляд, определенную специфику — я бы сказал, что это случай национальной идентичности, находящейся под угрозой и/или оспариваемой. Обнаруживаются ли в рамках твоего подхода какие-нибудь различия между тем, что происходит в Украине, и подобными событиями в Восточной Европе? В случае Украины я полагаю, что политика (и даже геополитика, которая обычно считалась бы делом элит или государства) становится частью повседневной жизни. Например, является ли кампания бойкотирования российских товаров более значимой в твоём подходе неформального конструирования идентичности, чем, скажем, мощная волна волонтерского движения “снизу” и другой опыт повседневных практик конструирования национальной идентичности в контексте протеста и войны?

А.П.: Позволь мне для начала привести пример из кулинарии. Когда ты печешь торт или пирог (или хотя бы пробуешь это делать), ты можешь использовать определенные ингредиенты и получить разные результаты. Но базовые шаги или действия одинаковы почти всегда и везде. Ты смешиваешь некоторые ингредиенты, чтобы получить то, что обеспечит основной вкус торта (крем или начинка), и заворачиваешь их (или встраиваешь) в другие ингредиенты, в которых они будут содержаться. По сути, ты получаешь крем внутри и тесто снаружи. Твой торт может подгореть, ты можешь передержать его в духовке, можешь что-то испортить. Но может получиться и нечто лучшее, чем оригинал.

Конструирование национальной идентичности подчиняется приблизительно такой же модели: сходные ингредиенты, но разные результаты. Есть

ядро (элитная группа), которая утверждает определенную идентичность. Затем она ищет каркас для этой идентичности (государство или административно-территориальную единицу в его составе, обычно область или регион), открывает ее или заново переоткрывает, после чего отбирает фрагменты, которые должны стать частью исторической памяти и современных нарративов. Есть и целевая группа — люди, которые должны поддержать национальный дискурс.

Иногда нужны и “плохие парни” — конструирование идентичности происходит более эффективно, когда есть враг. И чем больше углубляешься в исследование, тем больше специфических черт находишь для данного случая. Люди как организованное сообщество могут реагировать на происходящее разными способами. Иногда открытое оспаривание или противостояние не дозволено, не является возможным или попросту не стоит усилий. В таких случаях более важной может стать неформальная динамика (несогласованные или даже неосознанные действия). Мне кажется, что события в Украине можно рассматривать как пример, в котором присутствует сильно выраженный элемент “спонтанности”, когда люди предпринимают ряд действий и проявляют инициативы, не являющиеся возможными при использовании формальных или официальных каналов.

В.С.: Я бы также рискнул сказать, что пример Украины, помимо очевидной актуальности спонтанных практик, мог бы представлять и некоторый вызов для этого подхода — поскольку в этом случае сама схема конструирования идентичности, осуществляемая путем “сверху вниз”, практически всегда здесь ставилась под сомнение во многих аспектах. В случае с Украиной смыслы национальной идентичности развивались (и продолжают развиваться) в основном спонтанно, на низовом уровне, а государство и преимущественно оппортунистическая политическая элита скорее оказываются вовлеченными в эти процессы, чем руководят ими. Стратегии Евромайдана и сегодняшней войны служат хорошими примерами в этом отношении, так как государство всегда слабо управляло этими процессами: здесь лидерство брали на себя активные социальные группы и люди, формирующие общественное мнение. Согласен ли ты с этим? Кстати, это касается не только Украины. И если посмотреть на современные популистские тренды в Европе (и не только Восточной), также возможны интересные применения этого подхода в изучении, к примеру практик массового агентного активизма в его взаимодействии (и даже смещении) с макроинститутами, такими как политические партии, система права и государство.

А.П.: Да, как я уже говорил раньше, не могу не согласиться. Случай Украины “проще” в том, что во время кризиса люди действуют более оперативно, оказываются более вовлеченными эмоционально, а некоторые феномены становятся более зримыми (и быстрее эволюционируют). Украина никоим образом не является уникальной, но она может служить превосходной лабораторией социальных наук, где происходят стремительные изменения и где можно отчетливо увидеть определенную динамику, прилагая при этом меньше усилий, чем где бы то ни было.

В.С.: И последний вопрос. Мне импонирует твой подход, полагающийся в основном на качественные методы, фокусирующийся на сфере повседневных практик и уделяющий значительное внимание микродействиям обычных людей и коммуникации между ними как важным сферам общественной жизни, которые все еще не получают должного освещения в научной литературе. И я могу представить, что этот подход был бы весьма уместным при исследовании не только процессов формирования национальной идентичности, но и функционирования различных макроинститутов, к примеру демократии или системы правосудия. Собираешься ли ты применять этот подход к другим областям и сферам социальных исследований? Каковы твои дальнейшие исследовательские планы?

А.П.: Я сторонник смешанных подходов (*mixed approaches*), по крайней мере, ради очевидности и доступности объяснений. Я могу почувствовать, что какая-то вещь важна, значима или особенна. Но нужно также отстоять свое объяснение, показать его обоснованность — тогда можно предложить весомый аргумент и, возможно, убедить других людей. То есть нужен и статистический материал, те самые цифры — хотя бы в качестве отправной точки. Можно критически относиться к этим цифрам, методологии сбора данных, лежащей в основе идеи и т.п. Но, во всяком случае, есть эта отправная точка и, отсюда, новое исследовательское задание, твои идеи или то, как ты в общем видишь происходящее.

Дальнейшее уже зависит от способности наблюдать, делать умозаключения, резюмировать. Хорошее качественное исследование — это как хорошая фотография. Ты запечатлеваешь момент, микроаспект того места, которое посетил. Затем ты показываешь его окружающим людям. Если они смогут узнать это место, определить его по фотографии, распознать смыслы, заложенные в ней, то можно считать эту фотографию хорошей. Качественное исследование — это способ описать ситуацию, рассказать историю, которая, впрочем, в силу характера представленных данных, не может считаться репрезентативной относительно всего, что ты наблюдаешь (во всяком случае, с научной точки зрения). Но когда люди из твоего окружения или местные жители читают эту историю, она звучит для них убедительно, и они могут распознать те или иные события или явления с ее помощью.

Что касается моих дальнейших исследовательских планов, то я сменил направление и сейчас больше занимаюсь политикой в области научных исследований. Я буду продолжать публиковать статьи по неформальности, возможно, работать над идентичностью, но моя следующая книга “Дневники Скопуса” — это пособие о том, как построить свою академическую карьеру и как разработать стратегию, позволяющую совместить то, что вы должны делать, с тем, что вы хотите и любите делать в научном сообществе.

В.С.: Большое спасибо, Абель, за твои интересные рассуждения, актуальные для нас во многих аспектах, включая упомянутые тобой дальнейшие творческие планы в отношении вопросов эффективной академической стратегии. Желаю тебе дальнейших творческих и жизненных успехов.

Перевод с английского Ольги Максименко

Материал получен 18.06.2018